

ВЗГЛЯДЫ И. ЛЕЛЕВЕЛЯ НА НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Г. НОНЕВИЧ

Иоахим Лелевель (1786—1861 гг.), выдающийся ученый и убежденный демократ, оказал большое влияние на развитие польско-литовской исторической науки, активно способствовал прогрессу социально-экономической и политической мысли в первой половине XIX века. Исторические исследования Лелевеля и его демократизм получили высокую оценку К. Маркса и Ф. Энгельса. Сблизившись в 40-е годы XIX века с К. Марксом и Ф. Энгельсом, Лелевель, хотя и не воспринял идей научного коммунизма, но был союзником международного пролетарского революционного движения, представителем той партии поляков, о поддержке которой говорили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» [1, с. 456]. Он внимательно следил за работой конгресса «Союза коммунистов» в 1847 году, а на митинге в Брюсселе «к резолюциям конгресса присоединился знаменитый Лелевель и его единомышленники» [2, с. 248].

Научная и педагогическая деятельность Лелевеля была тесно связана с Вильнюсским университетом, который, в значительной степени благодаря ему, стал в то время центром прогрессивной исторической науки в Литве. Решительно выступая против традиционной феодальной историографии, Лелевель был одним из первых ученых в Польше и Литве, который научно обосновал необходимость расширения предмета истории за счет анализа экономических явлений. Он постоянно искал не только политического, но и социально-экономического объяснения хода исторического процесса. Явлениям экономической жизни общества Лелевель уделял немало внимания как в своих исследованиях по истории Польши, Литвы и Руси, так и в университетском курсе лекций по всеобщей истории. Свои взгляды на историю Лелевель, таким образом, стремился привить слушателям Вильнюсского университета, что, несомненно, способствовало становлению новых взглядов на предмет и задачи истории в Литве. Так, обращаясь к студентам, он говорил: «Ваши собственные чувства вызывают вас к тому, чтобы больше внимания уделять местной истории, истории Литвы (...). Память о героях этой страны, имена и гражданские заслуги предков, отцов и прадедов ваших, врожденная привязанность к национальной истории к этому вас обязывают. Тем насущнее этот вопрос, что, по сравнению с другими европейскими странами, ваша национальная история гораздо меньше изучена (...). То, что достигнуто в этой области до сих пор, развивать дальше — ваша задача» [6, с. 68—69].

Экономистом Лелевель не был и цельной, оригинальной экономической теории не создал. В университетском курсе лекций по статистике и некоторых своих исследованиях он высказывал лишь отдельные замечания по вопросам экономической теории, но они свидетельствуют о том, что и в понимании этих вопросов он стоял на передовых позициях.

Известный интерес вызывают высказывания Лелевеля о товаре и деньгах. Так, Лелевель отмечал, что для поддержания жизни населения страны, а также для улучшения его благосостояния в государстве должно быть определенное количество продуктов. Продукты эти, согласно ему, или непосредственно даны природой, или «заработанные» (он, очевидно, имел в виду продукты, производимые в сельском хозяйстве и идущие преимущественно для собственного потребления), или же «переработанные и усовершенствованные искусством» [8, с. 388], т. е. производимые ремесленниками, мануфактурами, фабриками. Необходимые для жизни продукты, по словам Лелевеля, люди получают либо в результате собственной трудовой деятельности, направленной на их создание, либо путем обмена, а продукты, производимые не для собственного потребления, а для продажи, становятся товарами.

Обстоятельных теоретических рассуждений по вопросу о стоимости товара у Лелевеля не находим, однако в его научных исследованиях встречаются отдельные замечания, позволяющие составить представление о понимании им данного вопроса. Так, Лелевель, в противоположность меркантилистам, считающим скопление драгоценных металлов, деньги единственным подлинным богатством страны, вслед за А. Смитом придерживался мнения о том, что «богатство включает в себя всякие блага, источник его в природе и труде, затраченном на их производство» [8, с. 391], иными словами, богатство общества он рассматривал как совокупность потребительных стоимостей.

Лелевель нигде прямо не говорит о том, что стоимость товара определяется затраченным трудом, но поскольку он исходил из того, что источником богатства является труд, что богатство создается в сфере материального производства, а поэтому «плодовитым», т. е. производительным, является всякий труд, создающий продукты, а «бесплодным» — труд слуг, чиновников и т. п., можно предположить, что труд он считал источником стоимости товаров. Критикуя физиократов за то, что они только земледелие считали той сферой производства, которая способствует увеличению богатства, Лелевель отмечал, что «необработанные плоды», благодаря усовершенствованию, человек делает более дорогими [8, с. 391]. Более того, он указывал, что при помощи денежной единицы оценивается «труд иных продуктов» [8, с. 389], а также отмечал влияние разделения труда внутри предприятия на изменение стоимости (цены) товаров: «чем выше разделение труда, тем более искусными и дешевыми являются продукты» [8, с. 388], следовательно, стоимость товаров создается в процессе производства, а не в процессе обращения. Лелевель не проводил разграничения между стоимостью и ценой товаров, а поэтому в его рассуждениях подчас встречаются замечания о росте стоимости товаров, хотя из контекста понятно, что произошел рост их цен. Согласно Лелевелю, стоимость (цена) продуктов неодинакова как в отдельные периоды времени в пределах одной страны, так и в разных странах в одно и то же время [10, с. 385]. Говоря о предметах-товарах, он признавал, что они должны давать прибыль, но каким образом — не указывал.

Лелевель высказывался за разделение труда как внутри страны, так и в международном масштабе, поскольку оно содействует улучшению и удешевлению продуктов [8, с. 388]. Историк отмечал неодинаковую

степень развития промышленности в отдельных странах, но (очевидно, под влиянием взглядов А. Смита о выгодах, которые получают аграрные страны от специализации на производстве сырья) утверждал, что нет смысла насаждать мануфактуры и фабрики во всех странах. Промышленность, по его мнению, должна развиваться только там, где для этого имеются условия: обилие и дешевизна сырья, наличные деньги, низкая процентная ставка, низкая оплата труда, достаточный спрос [8, с. 388]. Полагая, что в России и Польше таких условий нет, Лелевель считал, что этим странам надлежит специализироваться на производстве сырья для развитых стран Европы [9, с. 363]. Следовательно, в противоположность меркантилистам, предпочитающим вывоз готовых изделий вывозу сырья, он (кстати, как и Ф. Кенэ) высказывался против ограничений в вывозе сырья, «непереработанных материалов» в его терминологии. Отстаивая ведущую роль сельского хозяйства в экономике Польши, Лелевель непроизвольно делал ей плохую услугу, так как на самом деле национальные интересы аграрных стран требовали как раз развития промышленности, как средства избавления от чужеземной зависимости.

Вопрос о деньгах в Польше Лелевель рассматривал в специальных исследованиях: «Деньги Пястов» и «О польской монете». Происхождение денег Лелевель связывал с развитием товарообмена: он отмечал, что деньги возникли в связи с затруднениями в области обмена, для облегчения его [8, с. 389]. Историк указывал, что первоначально в виде денег выступали разные продукты: шкуры, рыбы, полотно, ракушки и т. п., затем — металлы, переход роли денег к которым означал более высокую степень развития общества. В своих статьях об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, сравнивая культуру славян и варягов, Лелевель отмечал превосходство славянской культуры, мотивируя это, между прочим, и тем, что славяне уже тогда занимались торговлей и знали употребление более совершенных, по его мнению, денег, так как в то время как у других народов плата производилась кожами, в Новгороде — гривнами.

Следовательно, Лелевель понимал, что деньги — это продукт исторического развития обмена, что в зависимости от исторических условий у разных народов в различное время роль денег выполняли разные товары, на которые обменивались другие товары. Деньги он рассматривал и как носителей богатства страны: «наличие этих продуктов (необходимых для удовлетворения потребностей жителей страны — Г. Н.), а также средств для их приобретения называется богатством» [8, с. 388]. Лелевель здесь, очевидно, имел в виду металлические деньги, так как к бумажным относился резко отрицательно. Отсюда можно предположить, что историк приближался к пониманию сущности денег как всеобщего эквивалента.

Однако, не поняв закономерностей возникновения и сущности бумажных денег, Лелевель не проводил разграничения между закономерностями металлического и бумажно-денежного обращения, а поэтому о стоимости денег высказывался в духе количественной теории денег: «Статистическая стоимость денег, — писал он, — зависит от обращения» [8, с. 389]. В этом, по-видимому, сказалось влияние взглядов Ш. Л. Монтескье и Д. Юма, произведения которых были Лелевелю хорошо известны, немало важное значение имели также явления обесценения бумажных денег и роста товарных цен. «Скопление денег, — отмечал Лелевель, — влияет на цену» [9, с. 352], но при этом он не указывал, что это характерно только для бумажно-денежного обращения. Видя последствия инфляции и осуждая ее, Лелевель решительно отдавал предпочтение полноценным металлическим деньгам, называя бумажные деньги «недостойным изо-

бретнием», которое собственность сделало ненадежной и сопровождалось рядом других отрицательных последствий [8, с. 389].

В исследовании «О польской монете» Лелевель говорит о возникновении монеты в Польше и в Литве. До принятия христианства, констатировал автор, Польша национальной монеты не имела, а иностранные монеты (персидские, византийские) были известны жителям привислянских равнин, в основном, благодаря торговле с Востоком [13, с. 236]. До принятия христианства, следовательно, в Польше обмен совершался посредством меха и слитков ценных металлов (особенно серебра), которые облегчали обмен, но монетой не были. Принятие христианства сблизило Польшу с Европой, содействовало увеличению объема торговли, а это обстоятельство, в свою очередь, способствовало возникновению национальной монеты.

Иоахим Лелевель высказывался также об организации чеканки монет, об их порче. Практику порчи монет он подвергал критике. Историк верно отмечал, что порча монеты особенно усиливается в периоды войн. Так, он указывал, что крестоносцы во время войны с Польшей практиковали порчу монет, уменьшение стоимости своих денег, что вело к их обесценению, а это, в свою очередь, вызывало определенные экономические последствия [13, с. 247].

Вопросам торговли Лелевель уделял много внимания как в изложении всеобщей истории, так и в своих исследованиях по истории Польши, Литвы и Руси. С этой точки зрения особый интерес вызывает курс лекций по всеобщей истории, где рассматривается развитие торговли, начиная с древнейших времен и кончая XVIII веком, а также такие произведения Лелевеля как «Всеобщая статистика», «История Польши, простым способом рассказанная», «История Литвы и Руси», «Польша средних веков» и некоторые другие. Так, в «Истории Польши, простым способом рассказанной» примерно половина параграфов, в которых рассматриваются вопросы экономической жизни общества, посвящена вопросам торговли.

Лелевель давал торговле следующее определение: «Обмен превращается в торговлю, как только лица производят большее количество продуктов, нежели сами в них нуждаются, с целью получить прибыль от их продажи» [8, с. 389]. Торговлю он подразделял на «отечественную», «чужеземную» и «экономическую», под которой подразумевал посредническую, транзитную торговлю. Разделение торговли на внешнюю и внутреннюю (особенно же принятие во внимание и анализ внутренней) было большим новаторством в области исторических исследований того периода времени. Причем следует заметить, что Лелевель информировал о состоянии внутренней торговли не только Польши, но и других стран. Он отмечал, что «счастливое положение Европы содействует развитию торговли» [9, с. 364], как внешней, так и внутренней. Развитию внутренней торговли европейских стран в начале XIX века благоприятствовало, как указывал Лелевель, наличие хороших дорог, каналов, банков, способствующих расширению торговых связей, развитие промышленности, рост количества ярмарок, базаров, а также широкое распространение таких «изобретений», как векселя и проч., которые изменили характер торговли. Развитие торговли, следовательно, он связывал с общим положением страны: состоянием денежного обращения, кредита, изменением товарных цен, уровнем развития промышленности и т. п.

Кроме того, торговлю Лелевель подразделял на активную и пассивную, оптовую и розничную. Следует заметить, что Лелевель испытывал трудности при выработке экономической терминологии, так, например, понятия оптовой и розничной торговли ему были неизвестны, в его

терминологии — это торговля «огромным количеством» или «частично» [8, с. 390]. Говоря о торговом балансе, Лелевель отмечал, что предлагаемые статистические методы подсчета баланса не оправдывают себя. Он мотивировал это тем, что в торговых ведомостях отсутствуют полные данные и что нет возможности подсчитать «воровской торговли», т. е. контрабанды.

Свои рассуждения по вопросам торговли Лелевель основывал на тщательном изучении и критическом анализе различных документов, реляций купцов, описаний путешественников, что позволило ему высказать ряд верных суждений о направлениях торговли, международных торговых путях, экономическом значении крестовых походов и географических открытий, о колониальной экспансии, торговом и морском соперничестве Англии и Голландии и т. п.

Лелевель много внимания уделял исследованию и критическому изложению истории Испании и Португалии. Положительно оценивая географические открытия XV—XVI веков, он показывает и их последствия: развитие и направление колониальной экспансии Испании и Португалии, которые на вновь открываемых берегах основывали свои фактории. Историк считал заслугой португальцев тот факт, что они открываемые земли брали во владение и возделывали их. Португалия и Испания, указывает Лелевель, благодаря колониальной экспансии, быстро стали могущественными мировыми державами, владевшими обширными территориями: Португалия захватила (преимущественно в странах древней цивилизации) большие и многолюдные города различных народов, прибрежные земли и острова, а Испания, искоренив в значительной части местное население, — Мексику, Перу и другие земли.

Указывая на экономические последствия географических открытий, историк отмечал, что первоначально они способствовали развитию внешней торговли Испании и Португалии. С открытием Америки и морского пути в Индию произошел переворот в торговле: значительно увеличился ассортимент импортных товаров, а также (вследствие удешевления их благодаря сокращению затрат на транспортировку) расширился круг потребителей этих товаров. Индейские товары и драгоценные металлы из Америки (преимущественно из Мексики и Перу) в большом количестве ввозились в Европу испанскими и португальскими торговцами. Лелевель при этом указывал, что эксплуатация серебряных рудников в Мексике и Перу «содействовала повышению понизившейся стоимости золота» [7, с. 440], то есть что падение стоимости золота было частично компенсировано еще более быстрой девальвацией серебра, поступающего в массовом количестве с южноамериканских рудников.

В исследовании «Историческая параллель Испании с Польшей» автор, сравнивая ход исторических событий в Польше и Испании в XVI—XVIII веках, довольно подробно останавливается на анализе прогрессирующего упадка Испании в новое время. Ухудшающееся экономическое положение Испании в новое время Лелевель объясняет рядом причин: «монополией и сужением торговли», ростом «пошлин и запретов», а также ростом налогового обложения и повинностей, которые тяжелым бременем ложились на плечи низших сословий [4, с. 243]. Все это в сочетании с причинами внешнего характера, в конечном счете, по его мнению, привело к ослаблению былого могущества Испании.

Анализируя вопросы развития торговли в Польше, Лелевель отмечает, что в период раннего средневековья наиболее развитой формой торговли являлась «торговля с чужестранцами» (внешняя торговля), указывает на международные торговые пути, проходившие через Польшу, информирует о предметах торговли [11, с. 63]. Однако, историк видит

и развитие внутренней торговли. Так, как только в XII—XIV веках, говорит Лелевель, увеличилось количество потребностей, то есть по мере развития общественного разделения труда и товарно-денежных отношений, возникает вместе с производством и внутренняя торговля (в его терминологии «домашняя торговля»), главными предметами которой были, как правило, скот, зерно, продовольственные товары, одежда, посуда и т. д., в то время как внешней — всевозможные предметы роскоши [11, с. 94]. Лелевель подчеркивал и роль Ганзы в торговых отношениях Польши.

Рассматривая ход дальнейшего развития польской торговли, Лелевель акцентировал значение торговли через Гданьск после возвращения Польше Поморья на основе заключенного в 1466 г. Торуньского мира, которым закончилась тринадцатилетняя война с Орденом. Балтийская торговля, указывал Лелевель, была основой широко развивающихся торговых отношений Гданьска, прежде всего, с Голландией и Англией, в меньшей степени — с Францией и Швецией. Историк отмечал, что торговля через Гданьск особенно успешно развивалась в XVI веке: если раньше основная масса зерна продавалась через Черное море и Турцию, через греческие острова вплоть до Кипра, то теперь значительно возрос удельный вес вывоза зерна через Балтийское море в северные страны. Лелевель перечислял предметы экспорта и импорта Польши в тот период времени. Так, хмель, янтарь, лес, скот, кожа, жир, мед, воск, железо, соль — вывозились, а ввозились, как правило, те товары, которые, за границей производились лучшего качества, чем отечественные, или же те, которые вообще в Польше не производились: шелк, золотые, серебряные и жемчужные изделия, тонкое сукно, ковры, меха, вино и другие товары, весьма задерживающие приплыв денег в Польшу, а при изменении торговых отношений могущие на определенное время причинить вред Польше» [3, с. 428].

Лелевель, рассматривающий исторические события в цепи причинно-следственных зависимостей, перемещение главного направления польской внешней торговли на север, на Балтийское море и бурное развитие ее связывал как с происшедшими после великих географических открытий конца XV — начала XVI в. изменениями в области мировой торговли, с общим перемещением мировых торговых путей, так и с изменениями во внутреннем положении западноевропейских государств, которые вызвали рост спроса на зерно, особенно же на пшеницу и рожь [11, с. 133—134]. Следствием же развития балтийской торговли было улучшение экономического положения Польши, рост городов: «все прусские города выросли, благодаря торговле, которая из всей Польши и большой части Руси здесь сосредоточивалась» [11, с. 133].

В дальнейшем, в XVII веке Лелевель замечает ухудшение экономического положения Польши [8, с. 583—585], упадок балтийской торговли: польский экспорт в то время значительно сократился, меньше продавалось зерна за границу «(...) так как Польша, действительно, меньше поставлять могла» [11, с. 171], в то же время увеличилось количество импортируемых товаров. Польша, преимущественно благодаря посредничеству голландцев, ввозила из-за границы множество различных товаров: сахар, вино, сельдь, полотно, бумагу, кружева, кирпич и другие товары, так как польское ремесло в то время пришло в полный упадок. В исследовании «Правление польского короля Станислава Августа Понятовского» Лелевель говорит о влиянии I раздела Речи Посполитой на состояние внешней торговли Польши, о падении экспорта, а также отмечает развитие внутренней торговли во второй половине XVIII века, информирует о тех мероприятиях, которые проводились в

то время для облегчения торговых связей внутри страны [12, с. 344—345].

Высказывания по вопросам торговли находим у Лелевеля и в его работах по исторической географии. Так, например, в написанном им в ранний период творчества исследовании «Краткие географически-исторические сочинения» содержатся рассуждения о древней торговле. Историк, тщательно исследуя значение торговой деятельности финикийцев и карфагенян для развития географических понятий, указывал, что развитие торговли способствовало познанию земного шара, сопровождалось рядом географических открытий.

Много внимания уделял Лелевель меркантилистической политике: весь более чем 125-летний период (1660—1786 гг.) в университетском курсе лекций по всеобщей истории назван «Меркантилистически-милитарная политика». Лелевель решительно высказывается против меркантилизма, утверждая, что отрицательное влияние меркантилистической политики является очевидным. В качестве примера он приводит ухудшающееся в то время экономическое положение Испании. Однако, говорит Лелевель, пример Испании не остановил другие государства перед проведением меркантилистически-милитарной политики, ибо развитие Швеции и Голландии, казалось бы, свидетельствовало об ее эффективности. Поэтому по-прежнему главное внимание в этот период времени было сосредоточено на проблемах торговли, проводились усилия к тому, чтобы продавать, а не покупать, и таким путем увеличивать количество денег в стране. Лелевель указывал, что такая политика во времена войн приводила к уничтожению торговли, поселений врага, способствовала распространению пиратства и бандитизма [7, с. 562].

Лелевель высказывался также об экономической деятельности министра Людовика XIV — Кольбера. Оценивая меркантилистическую политику, проводимую Кольбером, он верно отмечал, что запрет вывоза зерна, практикуемый Кольбером, создавал трудности для сельского хозяйства, но содействовал некоторому росту промышленного производства Франции: «Несколько десятков тысяч людей, занятых индустриальным трудом, и восхищение Европы свидетельствовали о внезапном прогрессе Франции в области промышленности» [7, с. 571—572]. Лелевель при этом понимал, что попытки содействия развитию промышленности имели своей целью создание товаров для экспорта, т. е. должны были привлечь деньги в страну [7, с. 562].

Историк положительно оценивал развитие торговли, говорил, что она сближает народы, а если бы каждое государство последовательно придерживалось меркантилистической политики, указывал Лелевель, то это вызвало бы прекращение торговли вообще. Сущностью торговли, по мнению Лелевеля, должно быть не накопление серебра и золота, а обмен благами [8, с. 391].

Лелевель решительно высказывался против всяческих стеснений торговли и опеки государства над хозяйственной деятельностью, он требовал ограничения государственного вмешательства. Меркантилизм же, отмечал Лелевель, уполномочивает государство вмешиваться в частную собственность [8, с. 391], в то время как «душой торговли является свобода, и правительства, насколько это возможно, должны ее (торговля — Г. Н.) предоставить самой себе» [8, с. 390]. Историк указывал, что ограничения торговли там сильнее, где в меньшей степени развита промышленность [9, с. 364—365]. Таким образом, в противовес меркантилистической политике протекционизма, Лелевель высказывался за свободу торговли. Однако ратовал он за свободу торговли вообще, не выделяя особо внешнеторговой политики Польши. Проведение политики фритре-

дерства могло принести положительный результат лишь в зависимости от конкретно-исторических условий, достигнутой степени экономического развития отдельных стран. Состояние экономики Польши как раз в то время требовало проведения политики протекционизма, что способствовало бы развитию национальной промышленности. Правда, Лелевель отмечал при этом, что применение той или иной экономической теории зависит от конкретных условий отдельных государств, и только практика может подтвердить преимущества выдвигаемых теорий [8, с. 392].

В польской экономической литературе того времени широкий отзывку нашла теория физиократов. Положение физиократов о том, что сельское хозяйство является основой государственной жизни, ибо только в земледелии происходит увеличение богатства, нашло широкий отклик в аграрной Польше. Идеи физиократов, в особенности Ф. Кенэ, оказали влияние и на Лелевеля. Исходя из аграрного характера Польши, он сельское хозяйство считал основой развития страны: «Земледелие и скотоводство являются самым существенным: являются источником благополучия, независимости, а страны, совсем этого лишённые, никогда не смогут значительно возвыситься» [8, с. 388]. Историк отмечал прогрессивное значение идей физиократов, высоко ценил их за то, что они отвергли меркантилистическое представление о богатстве страны как скоплении денег, драгоценных металлов, что они высказывались за свободное применение человеческих способностей, за их требование свободы торговли [8, с. 391]. Лелевель указывал и на практическое значение теории физиократов: теории Кенэ и его сторонников, «(...) переходя из области политической экономии в области организации общества, угрожали существующему порядку» [7, с. 651], то есть содействовали утверждению нового строя.

Заслуга Лелевеля состоит в том, что он критически отнесся к учению физиократов о том, что только через сельское хозяйство, якобы, происходит увеличение богатства страны, что производительным классом являются только работники земледелия, а промышленность является «бесплодной» сферой, в которой происходит лишь изменение формы богатства, а не его увеличение. В этом отношении Лелевель пошел дальше физиократов. Ссылаясь на А. Смита, он говорил, что производительным является всякий труд, создающий продукты, и что богатство страны создается во всех сферах производства. Таким образом, если меркантилисты видели богатство страны во внешней торговле, в привлечении благородных металлов в страну, а физиократы — в сельском хозяйстве, то Лелевель источник богатства страны видел в труде, занятом в производстве, то есть он понимал связь богатства народа именно с производством, а не с обращением. Однако на первый план он ставил труд, занятый в сельском хозяйстве, указывая, что и согласно экономической теории А. Смита земледельцы занимают первое место [8, с. 391]. Лелевель, следовательно, воспринял являющееся уступкой ошибочным взглядам физиократов смитовское утверждение о том, что труд в сельском хозяйстве является более производительным. Сравнивая экономическую теорию физиократов с учением А. Смита, историк более высоко ценил последнего: «(...) А. Смит создал систему, которая, несомненно, базируется на более надежной основе (чем теория физиократов — Н. Г.)» [8, с. 391]. Однако и во времена А. Смита, говорит Лелевель, меркантилистическая теория все еще господствовала над умами [5, с. 704].

Лелевель, следовательно, высказал свое отношение к трем основным направлениям экономической мысли того времени: к меркантилизму, экономической теории физиократов и к учению Адама Смита. Произведения, на которые он ссылается при этом, свидетельствуют о том, что

Лелевел был знаком с новейшей экономической литературой и проявлял живой интерес к развитию экономической теории, однако, к сожалению, более обстоятельного анализа этих теорий у Лелевеля не находим.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Межфакультетская кафедра
политической экономики

Редколлегия
вручено в мае 1974 г.

Литература

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, М., 1955.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Митингу в Женеве, созданному в память 50-й годовщины польской революции 1830 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, М., 1961.
3. J. Lelewel. Historia polska do końca panowania Stefana Batorego. Dzieła, t. VI, PWN, 1962.
4. J. Lelewel. Historyczna paralela Hiszpanii z Polską. Dzieła, t. VIII, PWN, 1961.
5. J. Lelewel. Rys dziejów ostatnich trzech wieków. Dzieła, t. III, PWN, 1959.
6. J. Lelewel. Wykład inauguracyjny w Uniwersytecie Wileńskim. Dzieła, t. III, PWN, 1959.
7. J. Lelewel. Wykład dziejów powszechnych. Dzieła, t. III, PWN, 1959.
8. J. Lelewel. Powszechna statystyka. Dzieła, t. II, cz. I, PWN, 1964.
9. J. Lelewel. Statystyka, czyli teoria, czyli zasady. Dzieła, t. II, cz. I, PWN, 1964.
10. J. Lelewel. Historia i metody statystyki. Notaty z wykładu. Dzieła, t. II, cz. I, PWN, 1964.
11. J. Lelewel. Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane. Dzieła, t. VII, PWN, 1961.
12. J. Lelewel. Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego. Dzieła, t. VII, PWN, 1961.
13. J. Lelewel. O monecie polskiej. Polska, dzieje i rzeczy jej, t. V, Poznań, 1863.

J. LELEVELIO PAŽIOROS Į KAI KURIUOS EKONOMINĖS TEORIJOS KLAUSIMUS

G. NONEVIC

Re z i u m ė

Atsižvelgiant į naująjį istorijos supratimą, Lelevelis, tiek savo Lenkijos istorijos sintezėje, tiek ir universiteto visuotinės istorijos ir statistikos kurse, daug vietos skyrė ekonominiams klausimams.

Daug vietos Lelevelis skiria klausimui apie prekę ir pinigus. Priešingai merkantilistams, žiūrintiems į pinigų kaupimą kaip vienintelį šalies turtų šaltinį, Lelevelis, sekdamas A. Smitu, visuomenės gėrybių šaltinį traktavo kaip vartojimo verčių visumą.

Istorikas niekur tiesiog nenusakė, kad prekės kaina vertinama įdėtu į ją darbu, bet kadangi išeina, kad turto šaltinis yra darbas, kad turtas sukuriamas materialinės gamybos sferoje, tai, galima sakyti, kad darbą jis laikė prekės vertės šaltiniu.

Pinigų atsiradimą Lelevelis siejo su prekių mainų išsivystymu. Jis nurodė, kad pirminį pinigų vaidmenį vaidino įvairios prekės. Į pinigus Lele-

velis žiūrėjo kaip į šalies turto nešėjus. Iš čia seka, kad Lelevelis artėjo prie pinigų esmės kaip visuotinio ekvivalento supratimo. Tačiau, nesupratęs popierinių pinigų atsiradimo ir esmės dėsningumą, jis juos vertino neigiamai, neskyrė popierinių ir metalinių pinigų cirkuliacijos dėsningumą, ir todėl apie pinigų vertę išsireikšdavo kiekybinės teorijos dvasia.

Lelevelis griežtai pasisakydavo prieš merkantilizmą, prieš bet kokius prekybos apribojimus ir valstybės globą ūkinei veiklai, nes prekybos esmė, anot jo, turinti būti ne sidabro ir aukso kaupimas, bet turto mainai.

Tų laikų lenkų ekonominėje literatūroje platų atgarsį susilaukė fiziokratų teorija. Fiziokratų teorija turėjo įtakos ir Leleveliui. Jis pažymėjo šių idėjų progresyvią reikšmę, jų praktinę reikšmę, tačiau kritiškai žiūrėjo į fiziokratų mokymą apie tai, kad tik žemės ūkyje vyksta šalies turto didėjimas.

Remdamasis A. Smitu, Lelevelis sakė, kad visoks darbas, sukuriantis produktus, yra našus, ir kad šalies turtas kuriamas visose gamybos sferose. Tačiau, remdamasis Lenkijos, kaip žemės ūkio šalies, pavyzdžiu, jis žemės ūkį laikė jos vystymosi pagrindu.

Lelevelis pripažino darbo pasidalijimą tiek šalies viduje, tiek ir tarp tautiniu mastu, nes tai gerina ir pigina produktus. Tačiau, turėdamas galvoje nevienodą pramonės išsivystymo laipsnį kai kuriose šalyse, jis teigė, kad pramonė turinti vystytis tik ten, kur jai vystytis yra susidariusios tinkamos sąlygos. Kadangi Rusijoje ir Lenkijoje tokių sąlygų, anot Lelevelio, nėra, tai šios šalys turėtų specializuotis, tiekdamos žaliavas labiau išsivysčiusiems Europos šalims.